

ВЕРНУТЬ ОНЕГИНА ЧАСТЬ 1

АЛЕКСАНДР СОЛИН

18+

Александр Солин

Вернуть Онегина, часть 1

<https://litres.ru/74487057>

SelfPub; 2026

Аннотация

Перед вами карманный роман, числом страниц и персонажей схожий с затяжным рассказом, а краткостью и неряшливостью изложения напоминающий вольный дайджест памяти. Все, что автор хотел – это высадить в оранжерее своей фантазии семена, которые, без сомнения, таятся в каждой человеческой судьбе, и, ухаживая за ними по мере сил и способностей, наблюдать, как прорастает, крепнет и распускается бесплотное, умозрительное древо страстей и событий. Присоединяйтесь!

Александр Солин

Вернуть Онегина, часть 1

От автора

Перед вами карманный роман, числом страниц и персонажей схожий с затяжным рассказом, а краткостью и неряшливостью изложения напоминающий вольный дайджест памяти. Сюжет, герои, их мысли и чувства, составляющие его начинку, не претендуют на оригинальность и не превосходят читательского опыта, а потому могут родить недоумение по поводу того, что автор в наше просвещенное время хотел им сказать. Может, желал таким запоздалым, мстительным и беспомощным образом свести счеты с судьбой за ее высокомерие и коварство? Или, может, поздними неумелыми усилиями пытался вправить застарелый душевный вывих? А, может, намеревался примириться с миром, к которому не сумел приладить свою гуманитарную ипостась?

Ни первое, ни второе, ни третье. Все, что автор хотел – это высадить в оранжерее своей фантазии семена, которые, без сомнения, таятся в каждой человеческой судьбе, и, ухаживая за ними по мере сил и способностей, наблюдать, как прорастает, крепнет и распускается бесплотное, умозрительное древо страстей и событий (то самое, из кото-

рого иногда добывают художественную целлюлозу) с тем, чтобы под его скромной сенью предложить блюдо, приготовленное из его горьковатых и жестковатых плодов. Возможно, стремясь сделать блюдо аппетитным, автор перемудрил со специями, а потому заранее просит уважаемых читателей быть снисходительными и милосердными к его ботаническим и кулинарным стараниям.

Часть I

Бледнеть Онегин начинает:

Ей иль не видно, иль не жаль;

Онегин сохнет - и едва ль

Уж не чахоткою страдает...

А.С.Пушкин

Алла Сергеевна Клименко, ухоженная блондинка за сорок, строго одетая и скромно украшенная, сидит в парчовом полумраке бельэтажа, уронив на колени руки и комкая все еще тонкими пальчиками платочек. Огромный плюшевый зал, отделанный серебром и спаржей и от этого похожий на молчаливо-многоглазое, лунно-болотное владение водяного, распирают ноющие, щемящие звуки.

«Ах, и зачем я только сюда пришла! – думает она. - Зачем снова устроила себе эту пытку!..»

Можно представить себе удивление счастливчика, допущенного Аллой Сергеевной к ее мыслям и обнаружившего, что пыткой она считает оперу «Евгений Онегин», а пыточной – Большой театр, куда впервые наведальась после более чем двухлетнего перерыва!

На сцене Онегин, застрелив Ленского, довел расценки на сатисфакцию слегка задетой чести до смертельного абсурда, а свою судьбу – до рубежа необратимых последствий. Псевдоблагородные одежды его резонов, подбитые кровавой подкладкой самолюбия, гляделись модно и современно, если бы не его публичное баритоновое раскаяние, никоим образом нынешним нравам не подходящее. Впрочем, к этому моменту Алла Сергеевна, уже плотно и основательно влезшая в шкуру Татьяны Лариной, была и без того достаточно взволнована, чтобы переживать из-за эпизода, который всегда считала мрачным и надуманным. И если допущенный к ее мыслям затеял бы с ней по этому поводу спор, то она, образованная и неглупая женщина, спорить бы с ним не стала, а привела бы в свою пользу один-единственный довод, а именно: Сашка Силаев никогда бы так не поступил. Вполне возможно, что в подтверждение она ознакомила бы ошарашенное ею лицо с кратким содержанием своего прошлого, иллюстрировав его веером фотографий, брошенных сыщиком-памятью на стол самоистязания. Памятуя, однако, что никому не дано знать чужие мысли и что литераторы, утверждающие обратное, беззастенчиво и безнаказанно выдают за

них свои, вот вам правдивая насколько возможно история Аллы Сергеевны, рассказанная ее милым беспокойным лицом с затуманенным глаукомой лет взором.

1

С Сашкой Силаевым они росли в одном дворе, и Алла Сергеевна была на три года его младше. Далекий сибирский городок, окутанный заповедной дымкой забвения и пересыпанный нафталином диковато-порывистых нравов, взлелеял их детство, отрочество и юность.

В наследство от детской кожи с ее нежными фибрами и любопытными порами ей досталась память о необычайно снежных зимних холодах и не уступающей им норовом сухой летней жаре. Будто маятник, на котором они жили, раскачивался от Северного полюса до пустыни Кара-Кум и обратно. Запомнились валенки, вязанные рукавицы, скрипучий снег, ворожба высокой круглолицей луны, сугробы, алмазная пыль, из которой весеннее солнце выплавляло бриллианты льда. На другом краю – неподвижные, пыльные, редкие тополя, клочки грубой жилистой растительности, проплешины потрескавшейся земли, заросшие берега ленивой реки, иссиня-черное затмение грозового неба. Между двумя крайностями - непролазная демисезонная грязь.

Тут же подробности провинциального быта, скрепляющие питательную почву ее памяти подобно трудолюбивой

сочной белизне корней. Например, разноцветные, выставленные на всеобщее обозрение занавеси сохнувшего белья – визитные карточки зажиточности, благонадежности и чистоплотности. Каждая хозяйка знала, кто из соседок нынче распустил паруса, и к обновкам относилась, как к вызову. Невозможно забыть тот летучий аромат, которым зимний ветер снабжал замерзшие до деревянного состояния, до смертельного посинения полотна, и который волнами расходился по комнате, соблазняя и тревожа детское обоняние неизведанной сказочной далью!

Зимой засыпанный метелями город засыпал под толстым слоем одеял, одно за другим помеченных мелкой копотью печных труб, питавшихся углем, за которым с одиннадцати лет надо было ходить в сарай. Рассеченный, словно сливочный торт, сугроб обнажал свою бисквитную начинку, которую весеннее солнце с аппетитом поедало слой за слоем. Люди освобождали от снежных тромбов артерии улиц, вены тротуаров, капилляры тропинок и тем поддерживали жизнедеятельность города.

Когда сугробы на широком дворе, подобно воде под Христом, уплотнялись досуха, всем миром выходили во двор, резали их на кубы и возводили снежный алтарь – огромную, горбатую, в половину роста их двухэтажного шестнадцати-квартирного дома горку. Как удобно и непринужденно затевались на ее лысой макушке, голой спине и скользком языке их первые любовные игры! Здесь можно было изловчиться

и, задыхаясь от смеха, оказаться верхом на том, кто тревожил твои сны. Здесь можно было коснуться того, кого при других обстоятельствах коснуться было стыдно и страшно. Здесь зарождался и поселялся в смятенных девичьих мечтах томный испуг.

Ну как, скажите, можно забыть полыхающее звездами небо, алмазным сиянием освещающее пробитую в свежем снегу тропинку! Или волнующее откровение зимних забав, когда девчонка, повизгивая и сопротивляясь напору мальчишки, всем сердцем желала упасть в мягкий сугроб, чтобы потом вскочить, обозвать его дураком и заставить стряхивать с себя снег. Или летние походы в баню и возвращения оттуда в блаженной испарине, с тазами у живота и тюрбанами на головах. Или вечерние посиделки в густеющем душном мареве – женщины кружком на принесенных с собой табуретках, мужчины у врытого в землю стола - за пивом, папиросами и домино.

Там двери закрывались только на ночь, и обо всем говорилось в полный голос. Там взрослые были родными тетями и дядями, и общими - праздники и печали. Там синька, хлорка, водка и селедка укрепляли дух и тело, а дворовый пьяница дядя Вася был одновременно артистом, философом и пророком. Там жили слова – меткие, как шальная пуля, крепкие, как запах свежего навоза и острые, как новый блестящий гвоздь. Там жила она, там жил Сашка...

Ее мать - дюжая, склонная к сквернословию путейщица, забивавшая костыль с одного удара, имела репутацию женщины независимой и любвеобильной. Когда к ней приходил хахаль, Алла Сергеевна с учетом погоды отправлялась либо к соседям, либо на улицу. Смутный стыд за мать, поселившийся в дочери лет с двенадцати, со временем осознал себя и обратился в укор, молча или громогласно высказываемый ею в минуты собственной неприкаянности.

О том, что ее отец сидит в тюрьме она впервые узнала не от матери, а от женщин во дворе. Когда ей было двенадцать, он неожиданно явился и стал жить с ними в комнате, что была малой частью трехкомнатной коммунальной квартиры. Чужой и грубый, с мутными бесцветными глазами и дергавым лицом он общался приблизительно так: «Стой, куда пошла! Хорош, я сказал! Заглохни, в натуре!» Слова, употребляемые им, были похожи на тяжелые лошадиные позвонки, из которых он, вставляя между ними матерные хрящи, создавал гибкие прочные конструкции, надежно защищавшие спинной мозг его инстинктов. С матерью он часто и яростно ссорился, и тогда во дворе собирались соседи, посматривали на их окно на втором этаже и качали головами.

Он прожил с ними три месяца, пока к общей радости жильцов не был изгнан матерью. В доказательство своей решимости мать высадила кулаком стекло в окне, указав ее от-

цу дорогу в том направлении, куда просыпались испачканные кровью осколки. И тот ушел из жизни Аллы Сергеевны навсегда, оставив после себя страх возвращения. Этот страх, словно тухлый запах жил в ней еще некоторое время, пока не выветрился окончательно.

Из восьми мальчишек и семи девчонок их двора, не считая мелюзги, Сашка был самый старший, а она самая младшая. Для мальчишек он был командиром, для девчонок - снисходительным покровителем. Теперь уже трудно сказать, в каком возрасте началось ее нежное увлечение. Было время, когда ей казалось, что она любила его всегда. Случалось, однако, что она до слез его ненавидела, как в весну ее полного пятнадцатилетия, когда одна из подружек, на два года ее старше, прищурившись, объявила, что целовалась накануне с Сашкой в подъезде.

Его отец был строительным начальником, мать заведовала детсадом, и у них была машина. Сам он к шестнадцати годам бойко играл на пианино и хорошо учился. Высокий, спортивный, насмешливый - ей ли, малолетке, тягаться с его одноклассниками, которые сохли по нему так громко, что было слышно, как трещат их сердца. Было также доподлинно известно, что он никого не выделяет и после школы собирается учиться в Москве.

Обсуждать мальчишек они начали рано. Прикладывали их к пропитанному книжными достоинствами образцу - красивый, добрый, послушный, верный - и с досадой обнаружи-

вали, что образец, как взрослый костюм, оказывался им на несколько размеров велик. Ее подсобное безголосое положение предписывало ей жадно внимать и не перечить мнению старших подруг, и то, что ими изрекалось, ее сердце постигало гораздо позже. Была она тиха и застенчива, но виной тому не ее природный нрав, а тяжелая материнская рука, придавившая до поры ее порывы. К четырнадцати годам у нее утвердилась привычка при разговоре с мальчишками держать у горла руку, словно не доверяя верхней пуговице наглухо застегнутой кофты. Иногда глаза ее вскипали черной молчаливой силой, и тогда они становились похожи на мерцающий омут. Казалось, нераспустившиеся года готовили ей будущий бунт, но когда пришло время, чертей в омуте не оказалось, но обнаружилось спокойное нестигаемое упорство.

Ее мать работала посменно, и в ее отсутствие она по вечерам устраивалась за занавеской у окна, прислушиваясь через открытую форточку к сбивчивому басовитому бормотанию ребят, имевших привычку собираться во дворе перед сном. Легко распутывая клубок тяжелеющих мальчишеских голосов, она с замиранием выделяла Сашкин – негромкий, редкий, убедительный. Находясь с ним в одной компании, она и мечтать не смела, что он обратит на нее особое внимание: ее номер был пятнадцатый. Проживая с ним на одной лестничной площадке, Алла Сергеевна, последняя в очереди, не имела ни малейшего шанса оказаться с ним наедине. Их пу-

ти, пересекаясь, тут же расходились.

В их доме не было подвалов, но был уютный чердак, где в сухом придушенном полумраке под наблюдением голубей прятались малолетние парочки. Вот там она однажды и оказалась с ним наедине. Ее подружка, ради которой он туда пришел, опоздала, а она явилась вовремя. Снисходительно на нее поглядывая, он без всякого воодушевления пересказывал дворовые новости, а она теребила ворот кофты, краснела, хихикала и, поводя глазами и подражая подругам, довольно уместно вставляла: «Ой, да ладно, Силаев, не ври! Ой, да что ты говоришь! Ну и пусть, а тебе-то что!..» Солнце тогда садилось, и лучи его, раздвигая границы краеведения, покидали землю и ползли по небу все выше и выше, пока не достигли облаков.

Наконец ему стало скучно, и они спустились вниз на потемневшую землю.

3

В тот же год он, не попрощавшись, уехал в Москву и поступил там в институт. Из дружеских пересудов, запущенных вдогонку его отъезду, выяснилось, что он все же целовался с двумя ее старшими подружками и даже (о, ужас!) помогался их. Кроме того обнаружилась одноклассница, с которой у него была, якобы, любовь. Уединившись, Алла Сергеевна долго и тихо плакала.

После восьмого класса она по настоянию матери пошла в ПТУ при местной швейной фабрике. Всю осень и зиму она выуживала из волн сарафанного радио обломки новостей о его столичной жизни. Говорили, что он собирался быть на зимние каникулы, но он не приехал. С навязчивой уверенностью решив, что он спутался с москвичками и навеки для нее потерян, она в отместку наспех, легко и безразлично рассталась с невинностью. Ей тогда едва исполнилось шестнадцать.

Первым ее любовником стал опытный, нагловатый брат подруги. Все случилось в марте у него дома на узком скрипучем диване. Ни слов, ни ласк, ни поцелуев - только его «Давай?», и ее «Давай...». Сгорая в темноте от стыда, она задрала комбинацию и обнажила бедра. Он вдобавок оголил ей живот и объяснил для чего это нужно. Зная обо всем уже достаточно, он словно доктор перед уколом предупредил, что первый раз будет больно и что надо потерпеть. Было и вправду больно, да к тому же противно, и она, отвернув лицо и стиснув зубы, терпела, как могла его затяжной мускулистый напор, завершившийся влажным тающим теплом у нее на животе. После этого, не говоря ни слова, укрылась в ванной, смыла малоромантичные следы его визита, заткнула мятым платочком свежую рану и, отказавшись от продолжения, ушла домой разочарованная. Весь вечер она недоумевала по поводу особого, придыхательного значения, которое ее старшие подруги придавали этому расплюсченному, унижительному занятию, ничего кроме боли, жжения и неловко-

сти после себя не оставившему.

Места юный любовник в ее сердце не нашел, и все же под влиянием кошачьего любопытства она еще дважды ему уступала, но бесчувственно и молчаливо ему отдаваясь, думала лишь о том, чтобы вовремя вытолкнуть его из себя. Новость о своей победе он, как водится, довел до сведения их общих друзей, и те, щурясь и сдерживая нетерпение, потянулись к ней с предложением своих услуг. Она всех их с негодованием отвергла.

Разумеется, слухи о ее доступности достигли приехавшего на каникулы Сашку. Увидев его, она вспыхнула и опустила глаза, он же посмотрел на нее с удивленным любопытством, как на зеленое, но уже падшее яблоко. Следует заметить, что к этому времени таких плодов разной степени зрелости в их дворе уже насчитывалось четыре, и во всех случаях были замешаны друзья детства. Правда, Сашка к их падению рук и всего прочего не приложил. Как бы то ни было, но обоюдная скороспелость, подкрепленная дешевым портвейном, сделала плотский грех закономерным финалом их детских игр.

Добрых две недели Сашка пропадал у одноклассников, кочуя с одной пирушки на другую. За это время ей удалось перекинуться с ним едва ли парой слов. Наконец дошла очередь до их компании, и в один из жарких дней июля они, свободные от всяких условностей и обязательств, вшестером отправились на дачу ее подружки. Воодушевленная Алла Сергеевна, презрев субординацию, с самого начала стара-

лась держаться ближе к Сашке. Не пряча лица и играя свежей фильдеперсовой наружностью, она вдохновенно и смело подавала голос, украшая его крепнущую грудную глубину иронической усмешкой. Приступ ранней женственности, внезапно случившийся с ней, заставил подружек-соперниц озадаченно переглядываться.

Приехав, все тут же обнажились и отправились на речку. Жара стояла – до солнца не дотронуться: плюнь на землю – зашипит. Сытая дремливая зелень, убаюкиваемая полуденной жарой, никла под тяжестью солнечных белил. Редкие плоские облака, втянув голову, искали убежища на севере. Живая хладнокровная река, словно гибкая рыба, искрилась серебряной чешуей.

Чувствовала Алла Сергеевна себя уверено, как никогда: ей нечего было стесняться – в свои шестнадцать с лишним лет она отличалась аппетитной складностью и премилым, не спешившим взростеть большеглазым лицом.

Взбодрив себя упругой зеленогрудой прохладой, четверо из них, в том числе Сашка и она, отправились на другой берег реки, где находились совхозные плантации смородины. Выбравшись на берег, они, не сговариваясь, пошли в разные стороны: она и Сашка налево, а ее подружка с другом – направо. Потеряв друзей из виду, они поднялись на пригорок, проникли на плантацию, углубились шагов на десять, выбрали куст и, присев, принялись рыться в нем. Она притихла, он тоже был немногословен. Соприкасаясь голыми электриче-

скими руками и бросая друг на друга короткие смущенные взгляды, они поедали полногрудую, чернооковую, винных кровей смородину, шалея от ее душного, возбуждающего дыхания. Он одобрительно заметил, что она сильно изменилась. Нет, сказала она в ответ, это он стал другой: и выглядит не так, как местные, и говорит по-другому - с ленивой растяжкой.

«Что ты хочешь – Москва!» - снисходительно ответил он.

Она спросила, почему он не приехал на зимние каникулы. Он ответил, что так получилось, и она, пронзительно глядя ему в глаза и удивляясь собственной храбрости, сказала, как в любви призналась:

«А ведь я тебя, Силаев, ждала...»

Он удивленно посмотрел сначала на нее, а потом на пересохшую комковатую землю у них под ногами. Наверное, они подумали об одном и том же, потому что когда он взял ее за руку и, проглотив ком, хрипло сказал: «Давай, пойдем на траву...», она коротко и тихо ответила: «Давай...»

Держась за руки, они спустились к реке и нашли среди прибрежных кустов укромное место. Он сел и потянул ее к себе – она села рядом. Взяв ее за плечи, он молча увлек ее на траву - она легла. Он склонился над ней - бледный, с застывшими глазами, спутанными волосами и испариной возле носа. Минута нежности, он стянул с нее трусы. Она отвернула голову, закрыла глаза и предупредила: «Только в меня не кончай ...»

Он долго, с тугой неловкой мукой забирался в нее – она, как могла ему помогала. Наконец он завозился, затолкался, трижды достиг ее мягкого дна и вдруг выразительно дернулся. Она рывком освободилась от него и кинулась полуголая к воде. Забравшись по пояс и ругая его на чем свет стоит, она торопливо вымыла из себя его неосторожность. Как ни сильна была ее любовь, но страх перед беременностью был сильнее. Невозможно представить, что сделала бы с ней мать, случись такая неприятность!

Когда она вернулась, он сидел на том же месте, натянув трусы.

«Ну, ты че, Силаев! Ведь я же тебе русским языком сказала – в меня не кончать!» - напустилась она на него.

Он странно посмотрел на нее.

«Извини, Алка, извини... Слушай, а почему у меня кровь? Ведь ты же вроде...» - начал он и запнулся, подыскивая слова.

«Не знаю! Не моя - точно!» – скривилась она в усмешке, выставив колено и уперев руки в бока.

Он встал и, слегка расставив ноги, осторожно побрел к воде.

Вернувшись, он сел рядом с ней и нехотя признался, что кровь его: он, видите ли, что-то там себе надорвал, потому что она, Алка, у него первая.

«Иди ты! – с громким изумлением воскликнула она. - Вот это да! Ну, Силаев, ну, Силаев, ну, ты даешь! А я-то думала

ты у нас бл..дун!»

Он затравленно посмотрел на нее, и тогда она, встав на колени, чтобы быть выше, прижала его голову к своей ранней, уже не детской груди и серьезно, как взрослая сказала:

«Ну, че ты переживаешь – пройдет...»

Он молчал, не отнимая голову, и она тихо спросила:

«Хочешь еще раз?»

«Хочу. Потом. Когда заживет...» - сказал он, доверчиво обхватив ее бедра, и она вдруг ощутила свою женскую первородную власть.

Так в июле восемьдесят первого неожиданно начался их роман – прозрачный, предсказуемый и опустошительный, как песочные часы.

4

Отчасти ее счастью повезло: все его знакомые местные девицы, на штурм которых он, голодный девственник, мог бы решиться, к этому времени уже имели более-менее регулярные сношения, а с ней ему не надо было далеко ходить, чтобы получать те удовольствия, до которых он, как оказалось, был так жаден.

Жизнь их в одночасье обрела романтический смысл и острое содержание. Им приходилось тщательно скрывать свои отношения, иначе бы все догадались, что между ними существует нечто небывало постыдное, далеко выходящее за

рамки провинциальной морали. И тогда жадные до подробностей, как до семечек кумушки вышелушили бы подсолнух их истории и докопались бы до ее сочного подгнившего нутра - грубой плотской связи сытого студента с шестнадцатилетней полусиротой, полубеспризорницей. Это был бы еще тот несовершеннолетний скандал!

Но если взрослый мир ничего пока не знал об их похождении, то избежать подозрений узкого круга друзей было невозможно. И рассчитывать здесь можно было лишь на то, что обруч круговой поруки не лопнет и скандальная новость не брызнет наружу. С другой стороны, неподтвержденные подозрения еще не есть скабресный факт, а потому свое повышенное к ней внимание он старательно и наивно выдавал за мудрую опеку взрослеющей и неразумной подруги детства, за бескорыстное, так сказать, вразумление юной грешницы умудренным духовником. Другими словами, искусная ложь — испытанное оружие всех любовников - с самого начала являлась частью их отношений.

Все, что им было нужно, это находиться в компании друзей, где они, как планеты, участвовали с одной стороны в общем движении, а с другой - испытывали взаимное, тайное и сладостное влечение. Так злоумышленники, собираясь обокрасть доверчивых граждан, отводят им глаза, отвлекая и притупляя их внимание. Застигнутые наедине, они научились делать вид, что принуждены к этому досаднейшими и безобиднейшими обстоятельствами.

Но если для бесед и поцелуев годился чердак, то для того чтобы дорваться до всего остального приходилось потрудиться. Жажда утех и страх разоблачения толкали их на искуснейшие маневры. На их счастье погода способствовала им самым жарким и душным образом, отчего коллективное посещение дач превратилось в привычку, а другой берег – в верного пособника. Следует заметить, что их друзья и подруги, по тем же причинам не меньше их нуждавшиеся в таких визитах, всегда были готовы составить им компанию. И главное, что их любовные вылазки делались с ведома и согласия родителей, находивших водные и солнечные процедуры безусловно полезными, а учитывая авторитетное присутствие Сашки – еще и благонравными.

Перед вторым разом она, обнажив полированную чашу живота, доходчиво и наглядно объяснила любимому, как следует поступать (во всем остальном она на самом деле была еще более неопытна, чем он), и Сашка быстро, ловко и обильно окропил его. Отдохнув, он настолько обстоятельно справился со своими обязанностями, что возбудил в ней приятное изумление и пробудил вкус к их занятиям. А когда через два дня он использовал презерватив, то она, избавленная от страха, неожиданно испытала потрясающие и неприятнейшие ощущения.

В наивное доказательство своего затяжного отсутствия они доставляли с другого берега смородину и букеты полевых цветов. Однажды нагловатый брат ее подруги, щербато

ухмыляясь, намекнул старшему товарищу, что негоже тому ронять свой авторитет, пользуясь порченным товаром.

«Считай, что я тебя не слышал...» - обронил Сашка и повел спортивными плечами.

Без сомнения ей повезло, что ее любовником стал пусть и неопытный, но серьезный и культурный парень, а не малолетний шалопай из тех, что всегда жужжат вокруг беспризорного колхозного меда. Она привыкла считать его взрослым, насмешливым и мужественным, он же оказался заботливым, ласковым, добрым и неуверенным, отчего стал в ее затуманенных счастьем глазах лучшим на свете. Наконец-то ее бродячее неприкаянное чувство обрело дом. Даже не дом, а дворец, потому что этот дворец и был домом ее мечты.

Сначала она хотела все до капельки ему рассказать – и про то, как давно его любит, как ревновала и почему изменила. Но, может, от неуверенности в своем положении или от ощущения нереальности происходящего, она предпочла держать свои чувства на расстоянии, порой шокируя его поведками базарной торговли, а его музыкальный слух - солеными словечками и вульгарным тоном.

Он был начитан и много знал, она же была троечницей. Чем больше она его узнавала, тем тревожней ей становилось. Что другого, кроме себя могла она ему предложить? И хватит ли его нынешних восторгов, чтобы удержаться возле ее юного податливого тела? А что взамен? Брак? В этом месте ей хотелось заплакать: никогда, никогда он не женится на

ней! Первая же умная и красивая девица уведет его от нее. Она вспоминала его удивление по поводу крови, которой по его сведениям не должно было быть. Вспоминала, как чуть было не выкрикнула в ответ: «Что - не девочка, хочешь сказать? Да, не девочка! Приехал бы раньше – была бы девочка!». Дура, она даже не смогла сберечь для него свой единственный капитал! Она мечтала, что он будет у нее первый, а получилось, что из них двоих невинным оказался он. От такой халатности судьбы веяло пугающим разгильдяйством: будто второй акт «Евгения Онегина» сыграли впереди первого.

Есть вещи, к которым нельзя подходить обывательски: любовь, например. К сожалению или к счастью, она поняла это слишком поздно. Кстати, о любви. За все лето они не упомянули о ней ни в разговорах, ни в прелюдиях, ни после окончаний, когда стеснялись смотреть друг на друга. Ни на чердаке, когда прощались.

Он говорил: «Тебе надо учиться дальше...»

Она отвечала: «Я и так учусь... Буду швеей-мотористкой...»

Он говорил: «Я буду скучать...»

Она отвечала: «Я тоже...»

Он спросил: «Хочешь, я буду тебе писать?»

Она отвечала: «Не надо, а то мать прочитает...»

Он протяжно и нежно ее поцеловал. Она заплакала.

Он сказал: «Я обязательно приеду зимой на каникулы,

обязательно!»

И она, шмыгнув носиком, сказала: «Да, приезжай, пожалуйста...»

Вот такая история. Впрочем, это было самое ее начало – прекрасное, неповторимое и бесконечно далекое.

5

Она хорошо помнит, как отвратительное тягучее нытье – близкая родня тошноты, овладело ею после его отъезда.

«Господи, - думала она, неожиданно повзрослев, - ведь сегодня еще только август! Как же я доживу до февраля?»

Ее недетскому отчаянию открылась вдруг бездна дней, которые ей предстояло пережить. Ее неведомой доселе взрослой тоске представилась неприкаянная шаркающая осень с восковым лицом и похожая на волчий вой дождливая грусть. Она увидела тьму, грязь, посиневшие от холода облака за окном, первый снег – ведь это будет только ноябрь, а за ним смерть природы и ее многодневные белые похороны, номинальная печаль одиноких зимних вечеров, и только потом февраль с его нарастающим невыносимым томлением – все впереди, все затаилось и не торопится сбыться! Ах, ну почему она отказалась от его предложения?! Зачем не захотела поделить нечеловеческую муку бесконечного ожидания милосердным календарем его писем?! - терзалось ее сердце.

Через несколько дней стало легче. К своему удивлению

она нашла утешение в учебе – в том самом постылом безрадостном занятии, к которому у нее никогда не лежало сердце. «Тебе надо учиться дальше...» - сказал он, и она решила учиться, чтобы быть его достойной. Ее необъяснимое прилежание заметили преподаватели, а своей внезапной серьезностью она озадачила мать.

Им преподавали кройку и шитье, и однажды с ней случилось что-то вроде прозрения – она вдруг обнаружила, как безвкусно и небрежно одеты многие девчонки из ее группы, как, впрочем, и она сама. «Как же так! – подумала она. – Ведь я должна быть самая красивая, самая нарядная, самая умная - иначе, зачем я ему!» Именно в этот момент и решила она свою личную и профессиональную судьбу. Уединившись и сторонясь посиделок с дешевым портвейном, она сшила себе первое платье. Мать приятно удивилась и одобрила ее рвение. После этого она скроила и сшила платье своей лучшей подруге – той самой, чей братец ее совратил. Кстати, после одной из примерок он предложил утешить ее очевидную грусть.

«Ты че - дурак?!» - шарахнулась она от него.

«Че ты ломаешься? – наседал он. – Че, Сашку будешь ждать? Дура! Нужна ты ему больно! У него в Москве таких, как ты...»

«От-ва-ли!» - оскалила она ровные белые зубы и замахнулась на него ножницами.

Она обшила полдома и нескольких подружек на стороне

и кроме того что немного заработала, смогла подчинить себе своевольное время и заставила его работать на себя. В середине января она набралась храбрости и, как бы нечаянно встретив на площадке его мать, которой боялась куда больше, чем своей, спросила, как поживает ее сын, и ждут ли они его на каникулы.

«Говорит, что придет!» - вполне приветливо отвечала та.

«Будете ему писать – передавайте привет!» - шалея от храбрости, попросила Алла Сергеевна.

«Обязательно!» - пообещала мать.

Февраль набрасывал на город одеяло за одеялом и размахивал полами так широко и часто, что печная гарь не успевала помечать их. И вот уже день его приезда, словно поезд показался вдали и, приветствуемый ее волнением, не спеша вырастал в размерах, пока не подполз и не уткнулся в назначенную дату. Накануне она плохо спала и пыталась представить, как будет выглядеть их встреча. «У него в Москве таких, как ты...» - скрипело и перекачивалось в голове, заставляя ее ворочаться. Между прочим, времени она не теряла и договорилась с одной славной девочкой из их группы, что та пустит их к себе домой на несколько часов.

Весь день она прислушивалась к двери своей квартиры, которая была открыта слуху, как окно свету. Около шести вечера протопали тяжелые мужские шаги, неся на себе два громких мужских голоса, и дверь Сашкиной квартиры, выпустив на площадку придушенные восклицания его матери,

захлопнулась. Оставалось ждать.

Не прошло и получаса, как на площадке слышались Сашкины покашливания, и она, одернув черный облегающий свитер, приоткрыла дверь и выставила туда лицо. На разведку. Сашка тут же обернулся на звук и вынул изо рта сигарету.

«Привет!» - сказала она.

«Привет!» - радостно ответил он, широким жестом выманивая ее из квартиры. Она помедлила, вышла на площадку и приблизилась к нему. Тонкий черный свитер, серая юбка выше колен, короткая прическа, подкрашенные брови и ресницы, выбеленное страхом лицо – она хорошо подготовилась. Он сделал ей навстречу шаг, взял за руку и потянулся к ней губами. Она ткнулась в его губы, испуганно отступила и оглянулась по сторонам.

«Ну вот, видишь, я же сказал, что приеду! Алка, я ужасно скучал!» - заговорил он, глядя ей в глаза.

«Ты начал курить...» - невпопад ответила она, все еще плохо соображая после приземления на другом краю бездн дней. Свою руку она освободила – за ним могли выйти в любой момент.

«Да нет, не курю. Так, ерунда, балуюсь!» - отмахнулся он. – Слушай, ты так изменилась!»

«Как?»

«Ну, во-первых, ты повзрослела...» - начал он, с улыбкой вглядываясь в нее.

«Это хорошо или плохо?» - перебила она, стараясь выглядеть беззаботной.

«Это замечательно!»

«Ты надолго?» - спросила она.

«На десять дней!»

В ту ночь она никак не могла уснуть. Снова и снова приглядываясь к подробностям их короткой встречи, она пыталась проникнуть за их улыбчивый фасад и разглядеть внутреннее убранство его сердца – есть ли там ее фотография и на видном ли она месте или отодвинута на задний план. В какой-то момент мысль о том, что он здесь и спит всего в десятке метров от нее подстегнула ее воображение, и оно вдруг вспыхнуло огнями иллюминации и осветило скрытое потемками желание, и тут она, оценив, наконец, как соскучилась, тихо и сдавлено простонала.

На следующий день он собрал у себя нескольких друзей, в том числе ее с двумя подругами. Впервые она оказалась у него дома и увидела полированную мебель, ковры, хрусталь и его благодушных родителей в домашней, так сказать, обстановке. Какое странное и ржавое чувство она теперь испытывала, находясь вместе с ним в компании своего прежнего любовника! Она словно смотрела на себя, неразумную, из далекого взрослого будущего. «Ах, какая я была дура, какая дура!» - страдала она. И на что, скажите, она могла рассчитывать с таким прошлым? Улучив момент, она сообщила ему, что завтра они могли бы уединиться у ее подруги. У

него загорелись глаза, и они тут же решили, как будут действовать, чтобы их не увидели вместе.

Назавтра в полдень они порознь вышли из дома и, совершив маневр, соединились на дальней автобусной остановке, где могли вести себя, как случайные попутчики. Весь путь они держались чинно и благородно, не забывая обжигать друг друга горячим веществом влюбленных взглядов. Уже недалеко от низкого деревянного домика рабочей слободы, куда лежал их путь, она взяла его под руку. Оказавшись на месте, они выслушали инструкции подруги, и едва за ней закрылась дверь, кинулись друг другу на шею. Затем он снял с нее пальто и толстую кофту, и ему открылось ее новое платье, которое она сшила к его приезду, вложив в него все свое умение.

«Какое красивое платье!» - не удержался он.

«Сама сшила...» - лучились ее глаза.

«Не может быть!» - изумился он.

Она взяла с собой кое-какое белье и пока застилала кровать, он в майке и трусах путался под ногами и, оглаживая через платье ее тело, пытался целовать ее голые руки. Наконец она сняла платье, и он, не имея терпения, повалил ее на кровать, задрал шелковый подол комбинации и, расталкивая холодными коленями ее послушные ноги, набросился на нее. Ощувив нервную дрожь его шальных рук, сухие жадные губы и горячий наконечник его каменного копья, она поняла, что он по-прежнему прошлогодний, летний, голодный и принад-

лежит только ей. Тем не менее, после того как они немного отдохнули, она сказала, усмехнувшись:

«Ну, рассказывай, Силаев, сколько раз ты мне изменил...»

«Почему ты считаешь, что я тебе изменял?» - обиделся он.

«Потому что мужчины без этого долго не могут...»

«Хм, откуда ты знаешь? У тебя что, было много мужчин?» - в свою очередь усмехнулся он.

Она смутилась и уткнулась ему в плечо.

«Прости меня...» - сказала она жалобно.

«За что?» - удивился он.

И она, скрывая глаза и путаясь в словах, рассказала ему и про то, как давно его любит, как мучилась и ревновала и почему изменила. В конце она заплакала, и он, прижав ее к груди, как мог, успокоил, сказав среди прочего:

«Глупенькая! Мужчины без этого прекрасно могут обходиться. Ведь я же смог...»

Он был нежен, заботлив и ненасытен, утомив ее и себя. Между прочим, ближе к концу он спросил:

«Не хочешь попробовать другую позу?»

«Это как это?» - не поняла она.

«Ну... я буду лежать, а ты сидеть на мне...»

«Это как это? - еще больше удивилась она. – Я что, буду сидеть на тебе голая, а ты будешь смотреть на меня? Ты что, вообще, что ли?»

«Ну, хорошо, я не буду на тебя смотреть...» - смутился он.

«А говоришь – не изменял! Откуда же ты про позу знаешь?» - возмутилась она.

«Алка, да не изменял я, ей богу не изменял! Ребята в общежитии рассказывали, ну, и картинки разные показывали...»

Она испытующе на него посмотрела и, тряхнув пышными русыми волосами, разделенными пополам и коротко подстриженными на манер городских комсомолок времен коллективизации, своенравно постановила:

«Нет уж, давай не будем! Я тебе не какая-нибудь там с твоей картинки!»

Они провели в кровати четыре часа, устали и проголодались. Она нашла в холодильнике яйца, масло, сало, хлеб, поджарила яичницу и, усевшись напротив, накормила его, наблюдая, как он жадно ест. Когда он закончил, она подошла к нему и прижала его голову к своему животу, испытывая щемящее чувство умиления и нежности. Он доверчиво обхватил ее бедра и замер.

Потом они побывали в этом доме еще два раза, и каждая следующая их встреча оказывалась лучше предыдущей. В перерывах между жаркой возней он укладывал ее голову себе на грудь и рассказывал про столичную жизнь и про то, кем он станет, когда выучится. Рассказывал про новых друзей. О москвичах говорил: «Москвичи, москвичи... Подумаешь – москвичи! Понт один!» О москвичках отзывался

пренебрежительно, как о заносчивых и надутых гордячках. Рассказал, как однажды напился по неопытности, и как ему было плохо. Она слушала, прижавшись к нему, и не могла отделаться от мысли, что все это ей снится – и дом, и кровать, и его ласки, и он сам.

Когда последний раз они расставались на остановке, чтобы попасть домой порознь, она спросила:

«Почему ты боишься, что нас увидят вместе? Ты что, стесняешься меня?»

«Глупенькая! – улыбнулся он. - Ты же у меня еще маленькая, пойдут разговоры, мать узнает – ты представляешь, что будет?»

«И вовсе я не маленькая, мне через месяц уже семнадцать, и я могу гулять, с кем хочу! - надулась она, прекрасно понимая, что он прав. Не желая уступать, добавила: - Просто скажи, что ты стесняешься меня! Ведь ты у нас взрослый, умный, богатый, учишься в Москве, а я бедная несчастная пэтэушница!»

«Ну, причем тут это? – пожал он плечами. – Да, ты пока пэтэушница, но обязательно будешь учиться дальше, пойдешь в институт, вырастешь и разбогатеешь!»

«Я? В институт?» – изумилась она.

«Да, ты. А почему нет?» - спокойно и убедительно ответил он.

Между ними наладилось сообщение. Он выходил, якобы, покурить и преувеличенно громко кашлял, и она спешила к

нему в мягких тапочках, чтобы быстро и тихо обменяться поцелуями и новостями. Несколько раз они были в гостях у тех, с кем росли, и она, наблюдая за ним, отмечала, как далеко московское развитие увело его от здешних друзей, а значит, и от нее. Сможет ли она когда-нибудь догнать его или хотя бы приблизиться? Нет, нет и нет, в испуге твердила она себе, и это значило, что первая же умная и смелая девица уведет его от нее.

Для прощания она не накрасила глаз, потому что знала, что когда ему придет время уходить, она, как не крепись, все равно тихо заплачет.

«Ну, не плачь, не плачь! – утешал он, целуя ее трепещущие веки. – Я обязательно приеду летом, обязательно!»

И, помолчав, добавил:

«Потому что я люблю тебя...»

Его неожиданное, будничное, отцовское «люблю» сверкнуло, словно самородок среди пустой породы. Она отстранилась и вскинула к нему мокрое недоверчивое лицо:

«Что, правда любишь?»

«Правда, Алка, правда! Люблю...» - заверил он ее и крепко обнял.

Да, так он и сказал, и она не могла ему не поверить.

«Ты будешь мне писать?» - шмыгая носиком, пробормотала она с его плеча.

«А как же твоя мать?»

«А ты не пиши ничего такого... Пиши про дела, про но-

вости... Ну что-нибудь такое... Ладно? Обязательно пиши мне, а то я умру...» - заключила она, искренне полагая в тот момент, что и в самом деле умрет без его писем.

6

Вторую их разлуку она пережила гораздо легче. И не только потому что признавшись в любви, он сделал ее ожидание приподнятым и укрепил его сладкими грезами. Дело в том, что его слова по поводу института неожиданно совпали со словами завуча – женщины пожилой, строгой, но внимательной, щедро делившейся нервными клетками с педагогический процессом. Подогревая рвение Аллы Сергеевны, она так и сказала:

«Молодец, Пахомова, так держать! Будешь хорошо учиться – рекомендуем в институт на заочное отделение!»

Почему заочное? Да потому что ее голову вместе с руками здесь уже оценили, как одну на тысячу и никому отдавать не собирались. Ошеломленная признанием и видами на будущее, Алла Сергеевна с головой погрузилась в учебники, не боясь выходить за рамки обязательной программы. К ее собственному удивлению у нее кроме прочих открылись руководящие способности, и она, избранная старостой группы – она, которая большую часть своей молодой жизни глядела в рот своим подружкам! – за пару месяцев сколотила из группы нечто ядреное, горластое и только ей одной подвластное.

В особом состоянии от метаморфоз дочери пребывала ее мать: подумать только - ее тихая, глупая, ни на что не годная Алка, эта серая мышь с дрожащим голосом и мокрыми глазами мало того что незаметно превратилась в красавицу, так еще и командовать научилась! Мать, сама женщина крутого нрава, жаловалась на дочь всем подряд, и каждому через минуту становилось ясно, что Марию Ивановну распирает от гордости.

От Сашки регулярно приходили письма, и Алла Сергеевна научилась перехватывать их раньше, чем до них могли добраться удивленные руки матери. И вовсе не из боязни (в семнадцать лет матерей уже не боятся), а из-за скуки объясняться по поводу того, что превосходило заскорузлое материнское понимание.

Свои письма он начинал с трепещущих московских новостей, но постепенно витиеватый синтаксис лирического построения умирал повествовательный пыл глаголов, и тогда из пропитанных его чувством белых прокладок межстрочного пространства проступал аромат только им известных подробностей. Над письмом витал молочный запах ее тела и трепетал ломкий силуэт ее нежной подростковой хрупкости. Кутались в шелка ее наивные стыдливые открытия и никем не оскорбленная невинность. Мирно соседствовали ее мужские забористые выражения и голубиная нежность полудетского лепета, четырехглазая яичница с салом и хрусталь прощальных слез. Все возвышенное, преувеличенное, неуголен-

ное.

Млея от его иносказаний, она в ответ пыталась описывать то буйное тропическое растение, что проросло в ее душе благодаря его заботам и теперь, призывая под свою сень, тянуло к нему зеленые опахала рук. Покусывая кончик ручки и упираясь взглядом в пространство, она извлекала из него невиданные доселе сокровища – слова, что могут обитать и быть убедительными только на бумаге, а произнесенные вслух отдают манерностью и вызывают неловкость. Она с ностальгическим упоением перебирала, протирала и перекладывала аксессуары любовного алтаря: воздушные детальки ее робкого предлюбовного смятения, магические подробности их чудесного соединения, тонкости их жарких схваток, мелочи быта и людей, превращенных ее чувствами в мягких ласковых зверушек. Страдая, что не может выразить одолевавшие ее тончайшие переливы настроения, удивления, восторга и чего-то еще религиозно-слезливого, она старательными, неумелыми штрихами оживляла, как могла натюрморт их любовного пиршества, и провинциальная речная чешуя сверкала у нее океанской бирюзой, серый речной песок приобретал золотой отлив, изумрудный ворс травы становился их брачным ложем, а покосившийся дом рабочей слободы – чудесным необитаемым островом.

Она сокрушалась, что не захотела испробовать позу, которую хотел он, и пообещала, что позволит ему «все, все, все, что он только захочет», опрометчиво полагая, что за этим

скрываются еще, может быть, два или три приема, и что то, чем они занимаются, на самом деле в усовершенствовании не нуждается. Она с гипнотической навязчивостью давала ему авансы, от которых бедный голодный Сашка испачкал во сне не одну простыню, в чем он ей потом откровенно признался, открыв для нее мимоходом милосердный механизм мужского воздержания.

Не удивительно, что когда он в начале июля приехал на ка-никулы, то обнаружил в ее речи поразительные культурные сдвиги. Еще бы: нет ничего более питательного для душевной почвы, чем любовные письма. Радуюсь произошедшей в ней перемене, ее расправленным крыльям и одухотворенному лицу, он, воодушевленный и признательный, короновал ее при друзьях, обняв и со значением поцеловав. При первом же застолье, которое случилось в тот же день, он усадил ее рядом с собой и весь вечер не сводил с нее взгляда, целуя ее, смущенную, при всякой возможности. Подруги, потерявшие над ней власть, вынести такого унижения не могли и, мечтая о компенсации, не замедлили довести до сведения ее матери о нежных и публичных Сашкиных домогательствах и о возмутительной ответной благосклонности ее дочери.

«А она сидит, как дура малолетняя, и млеет!»

Мать, в свою очередь, не замедлила учинить ей допрос с пристрастием, которым служила ее тяжелая рука. Бросив дочери обвинение и не услышав от нее членораздельного опровержения, она крикнула: «Ах, ты, бл..дь!» и замахнулась на

Аллу Сергеевну с обещание убить, но та не испугалась и не заслонила, а выставив грудь, выкрикнула:

«Ударишь – уйду жить в другое место!»

И она бы так и поступила, если бы рука матери не опустилась, лицо не растерялось, а губы устало не произнесли:

«Алка, дура, что ты делаешь! Ведь он никогда на тебе не женится! Ты что, хочешь, чтобы у тебя было, как у меня?»

На что Алла Сергеевна отвечала:

«Он меня любит, мама!»

Мать опустилась на кровать, покачала головой и сокрушенно сказала:

«Дура ты, дура малолетняя...»

Стали выяснять, в какой фазе находится луна их отношений, и Алла Сергеевна заверила, что в самой начальной, скудомесячной: пока они только целуются. К матери вернулась материнская мудрость и изрекла:

«Смотри, не соглашайся на всякие безобразия, а то ты меня знаешь!» - и потрясла перед дочерью мозолистым кулаком.

Алла Сергеевна тут же рассказала все Сашке, и получилось, что она теперь вольна ходить с ним, где захочет. Только ведь чтобы в российской провинции одна тысяча девятьсот восемьдесят второго года от рождества Христова барышня открыто ходила за ручку и целовалась на людях, нужны были веские основания, тем более, если этим основаниям не исполнилось восемнадцать. И тогда Сашка, как честный на-

чинающий интеллигент пошел к ее матери и сообщил, что собирается жениться на ее дочери, как только закончит институт.

Марья Ивановна поступила так же, как поступила бы на ее месте любая мать: подняла его на смех и, понизив голос, сказала:

«Гуляйте, но не дай бог, если ты ее обидишь...» - после чего за ним закрепилось прозвище «жених».

7

Если понимать под счастьем такие отношения с миром, когда в любой момент можно выдвинуть мир, как ящик письменного стола, взять из него то, что хочется и задвинуть обратно - так вот, если понимать счастье таким образом, то, безусловно, это лето стало для них счастливым. Легализовав свое положение, они все свободное время проводили вместе. Когда она была занята шитьем он, замороженный пчиной точностью ее движений, устраивался рядом и не в силах сдержать умиление, вскакивал, целовал ее в голову или в шею и восхищался:

«Как здорово у тебя получается!»

Она вскидывала на него глаза и радостно улыбалась.

Он был из породы людей, которые во всяком событии находят повод для пространных и глубокомысленных рассуждений. Безусловно, любовное чувство усугубило в нем этот

недостаток, который она у него, напротив, любила. Она часто просила его рассказать что-нибудь умное и художественное. Ну, например, что он думает по поводу фильма «Девушка со швейной машинкой». Не видел? А ей фильм понравился. Она очень хорошо понимает героиню, и хотела бы когда-нибудь поступить так же, как та. Пусть он обязательно посмотрит, если удастся. Оберегая ее трогательную наивность, он говорил, что он, конечно, любит советское кино, но есть другое кино, зарубежное и что он хотел бы, чтобы его-то она в первую очередь и смотрела. Конечно, здесь старое французское, итальянское или английское кино не увидишь, но когда они будут жить в Москве...

«А разве мы будем жить в Москве?» - спрашивала она, отрываясь от занятия.

«Обязательно! - убежденно отвечал он. – После института я устроюсь в Москве, и ты переедешь ко мне».

Умудренные прошлым опытом и чередуя дачи со случайными квартирами, они принялись коллекционировать эротические достижения. В этот раз Сашка привез с собой те самые картинки, о которых упоминал зимой, и после того как отвел голодную душу старым, добрым, обывательским способом, они принялись за их изучение. Вначале она, как и обещала, села на него верхом и, покраснев, потребовала: «Не смотри на меня!». Но он смотрел, трогал и оглаживал ее упругую смугло-бархатную статью, и тогда она, прикрыв согнутыми в локтях руками грудь, отвернула лицо, закрыла

глаза и спросила: «Что дальше?». Он неуверенно задвигался, и она, уловив ритм и смысл, присоединилась к нему. Партию они, конечно, допели, но покинув сцену, она сказала, что если ему так хочется, то, разумеется, она не против, но лично ей прыгать на ухабах не понравилось. Гораздо приветливее она приняла позу на боку, сказав:

«Вот это другое дело! Долго и нежно...»

Другие картинки она отвергла за их раскидистую, бесстыдную откровенность, либо очевидную заумность. Особенно ей не понравилась поза, где женщина стоит на коленях – видимо, потому, что напонила ей бродячую собачью любовь, так откровенно и бесхитростно творимую на глазах взрослых и детей.

«Скажи, зачем нужны эти позы? - спросила она однажды, отдыхая у него на груди. – Ведь нам и так хорошо, ведь так?»

«Конечно! – охотно согласился он. – Честно говоря, я и сам не знаю - ведь везде все кончается одним и тем же. Но если они есть, значит это кому-то надо...»

«Лично мне они не нужны – я тебя и без них люблю!» - заключила она.

Конечно, ей нравилось то, чем они занимались, очень нравилось. Но еще больше ей нравились паузы, в которых они открывали друг другу пласты, залежи и месторождения полезных сердечных ископаемых. Он мог говорить часами, а она часами его слушать. Облокотившись одной рукой на подушку и подперев ладонью голову, она во все глаза смотре-

ла на него сбоку. Смотрела, как шевелятся его пухлые губы, как ровным прямым трамплином вырастает от упрямой переносицы нос, как порхают, подтверждая сказанное, его густые девчоночьи ресницы, как между нависшим обрывом бровей и крепкой возвышенностью скул плещутся смехом серые котлованы глаз. И его размашистый лоб, и аккуратные с розовой оторочкой уши, и лохматая темно-русая голова – все оживленное, любимое, родное.

«Знаешь, никогда не думал, что между нами что-то будет, а тем более любовь! Господи, даже в голову такое не могло прийти – вот, ей-богу! Ты всегда была для меня маленькой, испуганной, безголосой малолеткой. Извини, конечно... И вот теперь ты красивая, гордая, умная, любимая моя девчонка! Прямо какая-то сказка про гадкого утенка!» - говорил он, удивлением своим напоминая задумчивую кинокамеру, что насладившись играми невинных отроков, отводит от них взгляд и, цитируя быстротекущее время, бродит по облакам, а возвратившись к героям, обнаруживает их, повзрослевших, в одной постели. Она никак не захотела это объяснять, а подобравшись к нему, расплющила подбородок об его грудь и пробормотала, глядя ему в глаза:

«Представляешь, Санечка, мать думает, что мы с тобой только целуемся...»

«Да, а мы с тобой уже давно муж и жена... - погладил он ее по голове и вдруг спохватился: - Слушай, я совсем заболтался! Расскажи о себе: как ты тут, чем занимаешься, ну, в

общем, все!»

Она рассказала ему о словах завуча, и он пришел в восторг:

«Вот видишь, я же говорил, что ты у меня способная! Я это уже по письмам твоим понял! Учись, Алечка, учись, я так рад за тебя! Подожди, мы с тобой еще музыкой займемся, я тебе книги по искусству дам, в общем, сделаем из тебя роковую женщину!»

«Что значит роковую?»

«Значит, будешь всех мужчин сводить с ума, а я буду радоваться за тебя!»

«Мне не нужны все, мне нужен только ты...»

«Ну, меня-то ты уже свела...» - улыбнулся он, обнимая и тычась в нее под одеялом ожившей силой.

«Мне шить очень нравится...» - заторопилась она.

«Да, да, я уже понял, я же вижу, какие ты себе платья шьешь!»

«Нет, я хотела сказать, что мне нравится придумывать новые платья... - освободившись от объятий, отодвинулась она и облокотилась на подушку. – Вот ты знаешь, я смотрю на женщину и вижу, какая одежда ей идет. Одной надо талию поднять, другой сделать прямые плечи, третьей бедра убрать, четвертой грудь подчеркнуть, пятой ноги спрятать, ну, и так далее... А материал! Один материал старит, другой молодит, один грустный, другой веселый... А цвет! Ведь цветом человека можно совершенно изменить! В общем, ма-

териал, цвет и фасон...»

Он серьезно посмотрел на нее и внушительно сказал:

«Алка, ты обязательно должна учиться дальше!»

«Я буду, я обязательно буду, Санечка! Ради тебя буду!» - пробормотала она, проваливаясь в бездну его объятий.

И все бы ничего, но было в их отношениях с миром одно уязвимое место – его родители.

Недели через две после его приезда мать спросила его:

«Что-то я тебя слишком часто с Алкой вижу. Ты чего – других девчонок не нашел?»

«А чем она тебе не нравится?»

«А чем она должна мне нравиться, эта малолетняя пэт-эушница?»

«Ну, хорошо, если ты хочешь, я тебе скажу: у нас с ней любовь!»

«В смысле?»

«Ну, любовь! Как у вас с отцом... Когда я закончу институт, мы поженимся»

«Что-о-о? – вытаращила мать глаза. - Ты что, шутишь?»

«Нет. Я серьезно...»

«Серьезно? Ты серьезно? Ты в своем уме?! Ты что такое говоришь! На ком это ты женишься? На этой? На пэтэушнице? Да ты знаешь, что про нее говорят, ты знаешь?»

«Да плевать мне, что о ней болтают!» - раздраженно откликнулся он, чувствуя себя неуютно.

«Вот спасибо сынок, вот учудил!» - не слушая его, крича-

ла мать.

«Послушай...» - попытался вклинить он, но клин оказался короткий и не очень твердый.

«На дочке путейщицы! На пэтэушнице! На какой-то шалаве! Опозорить нас хочешь? Да никогда, да ни за что!» - кричала мать, и он, хлопнув дверью, ушел из дома.

Во дворе он сколотил компанию из двух друзей, и они с двумя бутылками портвейна укрылись за сараями в надежном, недосягаемом для чужих глаз месте. Потом пришла Алка, и они пошли с ней кино. Заметив, что он рассеян и курит больше обычного, она спросила, что случилось. Он рассказал о своем разговоре с матерью.

«Ну, зачем, Саша, ну зачем!» - с выражением беды на лице воскликнула она.

Когда он вечером пришел домой, мать сидела на диване в гостиной с платочком в руке. Увидев его, она отвернулась. Отец сказал:

«Пойдем, поговорим...»

Они пришли на кухню, отец закрыл дверь, сел и велел:

«Ну, рассказывай, что ты там придумал...»

И он твердо и убедительно поведал о своих планах.

«Да, не самое лучшее решение... - помолчав, сказал отец. И киркой противных доводов принялся обкалывать гранитное решение сына. - Ну, допустим, это любовь, и ты не можешь без нее жить. Допустим. Отбросим те слухи, которые циркулируют по ее поводу, отбросим. В конце концов, свеч-

ку никто не держал, а придумать можно всякое. Допустим, вы поженитесь. Ну, и где вы будете жить? Ты что, согласишься после Москвы вернуться сюда? Ах, вы хотите все же жить в Москве! Хорошо! Только чтобы инженеру устроиться после института в Москве, нужно как минимум быть женатым на москвичке. Ну, хорошо, предположим, ты найдешь работу с общежитием где-нибудь в Подмоскowie, предположим. Вы станете жить в бараке, а потом она родит, и начнется коммунальный ад. Будете жить на одну зарплату, ругаться и ссориться. К этому времени твой любовный угар пройдет, и ты увидишь, что она как была пэтэушницей, так и осталась. Дальше продолжать?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.